

О. И. Богуславский ЛАДОГА И ПРИЛАДОЖЬЕ

Очевидно, что заселение и развитие юго-восточного Приладожья стимулировалось не только выгодой земельных причин вряд ли было возможно, сколько потребностями обмена и рынка, не в последнюю очередь — международных. Несомненно ведущая роль в этом процессе принадлежит Староладожскому поселению. Выходцы из Ладоги, среди которых, видимо, было много скандинавов, неоднократно проникали на территорию юго-восточного Приладожья. Это проникновение стимулировалось постоянным повышением спроса на пушину, поставщиком которой являлись финские племена. Отражением интенсивности связей между Ладогой и юго-восточным Приладожьем является увеличение или уменьшение процента типов вещей, запаздывающих* в погребениях юго-восточного Приладожья по сравнению с Ладогой.

Первые, видимо происходившие от случая к случаю, контакты скандинавов с населением юго-восточного Приладожья, относятся к VIII в. Возникшие связи несомненно

* В настоящей работе термином «запаздывание» мы называем ситуацию, когда датировка однотипных вещей в погребальных комплексах юго-восточного Приладожья и в Ладоге отличается, причем эти вещи являются в Ладоге на 30—60 лет раньше, чем в Приладожье.

повлекли за собой вовлечение, может быть и небольшой части, приладожского населения в сферу ладожских интересов. В 860-е гг. характер контактов скандинавов с местным населением коренным образом меняется. Эти изменения носили отнюдь не локальный характер, поскольку совпали с пожаром Староладожского поселения, с пожарением могильника в урочище Плакун (Богуславский, Яблоник, 1987:26). В письменных источниках эти процессы нашли отражение в виде легенды о призвании варягов. Активизация движения по трансевразийским путям и увеличение спроса на пушнину стимулировали появление в низовьях рек Паши и Ояти отдельных скандинавских поселенцев, выступавших в качестве посредников в меховой торговле Ладоги с местным населением. Начальный период средневековой истории юго-восточного Приладожья, относящийся к 860—890 гг., характеризуется весьма тесными связями Ладоги и Приладожья, поскольку процент запаздывающих типов вещей один из самых низких за весь период существования культуры и составляет около 16%. По всей вероятности, торговые операции вскоре приобрели здесь несколько иной характер за счет создания в этих районах своего рода «факторий», концентрирующих к определенному времени большие партии товара, поскольку большинство торговых поездок скандинавов, в силу ряда причин, были сезонными (Херман, 1986:89-101). Основную работу по сбору мехов у разбросанного населения выполняли, видимо, выходцы из местной среды, причем отнюдь не из родовой знати. Об их составе, роли и социальном статусе говорит, с одной стороны, практически полное отсутствие женских погребений этого периода, с другой — присутствие в погребальном наборе большого количества оружия, а также коней, при полном отсутствии престижных изделий, таких как мечи. Видимо, в этой среде и сложился своеобразный обряд погребения, объединивший местные и скандинавские традиции и материальная культура, включавшая скандинавские вещи, или поступившие при посредстве скандинавов, финские изделия и предметы массового производства ладожских ремесленников.

В 890—920 гг. интенсификация меховой торговли, видимо, к расширению контактов населения юго-восточного Приладожья непосредственно с купцами, двигавшимися по трансевразийским магистралям. Об этом новом свидетельствует некоторое снижение интенсивности связей Ладоги с Приладожьем, выразившееся в увеличении процента запаздывающих типов вещей, которое достигает значения около 20%, при общем возрастании количества привозных изделий. Непосредственный контакт с охотни-

ками, добывающими шкуры, все же, по-видимому, остался в руках сформировавшейся ранее группы местных жителей, в силу малой плотности древнего населения. Прямой контакт с купцами и связанное с этим увеличение спроса на товары Восточной торговли привели к расширению круга этих людей. Об этом свидетельствует увеличение количества памятников и разнообразие их по-гребальных ритуалов, возможно, отражающее их по-личность, вовлеченного в эти процессы населения. Об изменении социального статуса и состава этой группы людей говорит увеличение женских и парных — мужских и женских — погребений, а также появление в по-гребальном наборе престижных изделий — бронзовых ювелирных украшений, в первую очередь скандинавских, и оружия.

Период 920—950-х гг. можно рассматривать как период активного участия жителей Приладожья в трансевразийской торговле, трасса которой проходила по территории Приладожья. Это заключение основано на большом количестве и разнообразии привозных изделий, в том числе и булгарских, которые практически отсутствуют в это время в Ладоге, и на интенсивном притоке арабского серебра в юго-восточное Приладожье, в то время, как в Поволжье и в бассейне Ильменя фиксируется его относительное замедление. Основное движение товаров в это время, видимо, связано с вновь образовавшейся Волжской магистралью.

Изменение трассы движения предметов восточной торговли привело к сильным изменениям в регионе южного Приладожья. В первую очередь это отразилось на характере торговых связей. За счет формирования пути через земли юго-восточного Приладожья его жители получили возможность непосредственного контакта с купцами, двигавшимися по Волжскому пути, а также возможности его контроля. Связанное с этим новое увеличение спроса на пушнину, а возможно и на другие предметы восточной торговли, например рабов, привело к увеличению числа памятников и к большему их разнообразию, а также к увеличению количества комплексов с оружием, которое известно почти во всех мужских погребениях этого периода. По всей вероятности, другим результатом повышения спроса на предметы импорта стало расширение контактов приладожского населения с другими финскими племенами — основными поставщиками этих товаров, о чем говорит увеличение круга финских древностей. С новым характером торговли связано снижение интенсивности связей между Ладогой и Приладожьем, что, возможно, отражает некоторую самостоятельность последнего. Процент

вещей, запаздывающих в Приладожье по сравнению с Ладогой, достигает максимума и возрастает до значения около 25%.

В 950-е гг. можно говорить об интенсификации поступления куфического серебра в бассейн Волхова и Ильменя, о чем свидетельствует выпадение серии кладов (Носов, 1976:105—106), а также о начале поступления западноевропейского серебра, которое фиксируется в Новгороде между 972—989 гг. (Потин, 1982:130—131). Видимо, к этому же времени относятся и некоторые ладожские монетные находки. Погребальные комплексы юго-восточного Приладожья периода 950—980-х гг. демонстрируют очень тесную связь с Ладогой. Об этом свидетельствует самый низкий из известных процент типов вещей, запаздывающих по отношению к Ладоге, который снижается до значения около 10%. Эта характеристика тем более показательна, что процент запаздывающих вещей изменяется от одного из самых высоких значений к самому низкому.

Период 950—980-х гг., по нашему мнению, связан с изменением трассы Волжского пути и перемещением его северного участка в бассейн Волхова и Ильменя. Об этом свидетельствует снижение интенсивности поступления в юго-восточное Приладожье монетного серебра и привозных изделий, а также увеличение числа находок монет в Ильменском бассейне. Видимо, предметы, связанные с трансевразийской торговлей, поступали в юго-восточное Приладожье опосредованно, то есть через Ладогу, отражением чего стало повышение интенсивности связей Приладожья со Староладожским поселением.

Изменение трассы Волжского пути несомненно привело к снижению товарооборота, связанного с трансевразийской торговлей и к потере юго-восточным Приладожьем возможности контроля пути. Кроме того, видимо, в это время произошло и общее уменьшение роли Волжской магистрали в связях центров Балтийского региона с исламским миром, о чем говорит резкое сокращение поступления восточных товаров в Скандинавию не позднее 970-х гг. Северные страны стали получать необходимое для торговых операций серебро из Западной Европы (Лебедев, 1985:117). Отражением этого, вероятно, является и появление на Северо-Западе Руси первых западноевропейских монет. Эта ситуация привела к высвобождению в Приладожье значительного количества вооруженных людей, что сделало возможным их участие в общерусских военных операциях. Косвенно об этом свидетельствует значительное сокращение, по сравнению с предыдущим периодом, количества погребений с оружием. С достаточной уверенностью можно говорить об участии выходцев

из Приладожья в походах Владимира на Византию и Придунайские земли в 980-е гг. Отражением этого участия стало появление в Приладожье византийских монет и венгерских поясных наборов.

К сожалению, плохая сохранность культурных слоев Староладожского поселения в период после 990-х гг. не позволяет нам рассмотреть на археологическом материале вопросы взаимодействия Ладоги и юго-восточного Приладожья. Но, на наш взгляд, проанализированный период развития позволяет сделать определенные выводы. Во-первых, можно заключить, что взаимодействие юго-восточного Приладожья и Нижнего Поволжья в первую очередь зависели от характера международной торговли в регионе и непосредственной локализации такой важной торговой магистрали, как Восточный путь. Во-вторых, обе части Южного Приладожья — юго-восточное Приладожье и Нижнее Поволжье — при всей близости происходивших в них процессов, являлись достаточно самостоятельными организмами со своими внутренними закономерностями развития и историческими путями. В-третьих, юго-восточное Приладожье следует расценивать как район весьма динамичных международных связей, культуры которого живейшим образом откликнулась на процессы, происходившие на широких территориях от Балтийского моря до Византии и от Западной Европы до Евразийских степей.

ЛИТЕРАТУРА

- Богуславский О. И., Яблоник Д. Л., 1987. Ранние скандинавские находки в юго-восточном Приладожье в контексте синхронных скандинавских импортов // История и археология Новгородской земли. Новгород.
- Лебедев Г. С., 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.
- Носов Е. Н., 1976. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII—IX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VIII.
- Потин В. М., 1982. Нумизматическая хронология и вопросы истории Руси и Западной Европы в эпоху раннего средневековья // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.
- Херман И., 1986. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М.

О. И. Давидан

СТАРОЛАДОЖСКИЕ ДРЕВНОСТИ В ЭРМИТАЖЕ

Староладожская коллекция Эрмитажа, составляющая более 40 тысяч единиц хранения, занимает особое место в изучении истории древней Ладоги не только по количе-

ству археологических находок, но и потому, что они происходят главным образом из раскопок Земляного городища, исследованного на площади более 2000 кв. м, и освещают историю Ладоги со времени ее возникновения в середине VIII века до XVI—XVII вв.

Первое поступление вещей из Старой Ладоги относится к началу нашего столетия, когда из Русского археологического общества были переданы в Эрмитаж, найденные в Ладоге 2 свинцовые печати и скандинавская фибула (коллекция 1005). В 1931—1932 гг. при организации отдела доклассового общества (в настоящее время — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири) из собрания Русского археологического общества и из Артиллерийского музея поступили материалы исследования Н. Е. Бранденбурга, проведенные в 1884—1885 гг. в Старой Ладоге — на территории Каменной крепости (колл. 888), на месте разрушенных древних храмов (колл. 1480, фрески), а также вещи из раскопок курганов в непосредственной близости от Ладоги (колл. 694).

Систематическое формирование рассматриваемой коллекции началось с 1947 г., когда Г. П. Гроздилов — постоянный заместитель начальника Староладожской экспедиции В. И. Равдоникаса, стал после войны работать в Эрмитаже и вместе с ним его сотрудники начали принимать активное участие в полевых работах и в обработке материалов раскопок. По решению В. И. Равдоникаса ящики с добытыми вещами привозились сразу же после поля в Эрмитаж для камеральной обработки, составлялись подробные описи для приемки на постоянное хранение. С этого времени Эрмитаж стал местом хранения материалов Староладожской экспедиции Равдоникаса 1947—1950, 1957—1959 гг. (описи хранения 7—10, 67—71, 84—85). Эта часть коллекции имеет наибольшую ценность, так как находки имеют точный паспорт и могут быть сопоставлены с дневниками, чертежами и другой полевой документацией. Кроме того, именно при раскопках в 1947, 1950 и 1958—1959 гг. впервые были вскрыты самые древние слои Земляного городища, датированные, начиная с середины VIII века.

В 1952 г. в Эрмитаж поступили материалы раскопок курганов в урочище «Плакун» (отряд Г. П. Гроздилова Невской экспедиции под руководством Н. Н. Гуриной, опись хранения 65). В 1953, 1955 гг. коллекция значительно пополнилась после передачи в Эрмитаж материалов довоенных раскопок В. И. Равдоникаса, которые хранились до этого в Ленинградском университете (описи хранения 12—21) и коллекции из Музея Этнографии народов СССР разведок и раскопок в Старой Ладоге, осущес-

ствленных в 1909—1913 гг. Н. И. Репниковым. Обе коллекции сохранились не полностью. Дело в том, что в здании Исторического факультета университета в сентябре 1941 г. был развернут госпиталь, староладожские материалы перенесены в ящиках в подвал и находились там без особого присмотра до возвращения Университета из эвакуации в мае 1944 г. Многие вещи пропали, а перевезенные в Эрмитаж экспонаты потребовали больших усилий по приведению их в порядок.

Коллекция вещей из раскопок Н. И. Репникова также не является полноценной, так как во время наводнения 1924 г. материал, хранящийся тогда в Русском музее, был перемешан, частично утрачен вместе с полевой документацией. Сейчас можно пользоваться только старыми музеинными описями, в которых отсутствуют данные о месте находок и стратиграфии, а имеются лишь ссылки на ярусы построек.

С 1960 до 1972 г. раскопки в Старой Ладоге не велись и в Эрмитаж поступили только находки из кургана в урочище «Плакун», исследованного в 1968 г. Г. Ф. Корзухиной (опись хранения 145). В 1972 г. начала работать Староладожская экспедиция под руководством А. Н. Кирпичникова и все находки стали передаваться не в Эрмитаж, а в Староладожской музей. В Эрмитаж были переданы только уникальный клад инструментов середины VIII в. (колл. 2551), несколько деревянных изделий и ткани из раскопок в 1975 г. Е. А. Рябинина на Земляном городище (опись хранения 203), а также находки из раскопок Е. Н. Носова сопки неподалеку.

После передачи в 50-е годы коллекций из музея Этнографии и Университета в Эрмитаже были собраны по возможности все археологические материалы по исследованию древней Ладоги, открытые за 50 лет. Особый интерес представляли находки из нижних слоев Земляного городища (VIII—IX вв.), отражающие материальную культуру Ладоги времени формирования первой столицы древнерусского государства. Эту эпоху представляют различные категории находок из горизонта Е. Кроме тысяч обломков глиняных сосудов в Эрмитаже хранятся различные бронзовые украшения (среди них: 4 височных кольца, подвески, бляшки, цепочки), 4 литейных формы, 12 тиглей и льячек; изделия из железа: 3 наконечника копий, 6 наконечников стрел, удила, 3 топора, сошник, кузнецкие клещи, около двух десятков ножей; изделия из кости: 14 гребней, 4 игральные шашки, резные фигурки, коньки, проколки; деревянные изделия: стержень с рунической надписью, 3 антропоморфных фигурки, более 50 образцов деревянной посуды, и в том числе сделанной

на токарном станке, части кораблей, детали саней, орудия обработки льна, деревянные мечи и копье, 4 лыжи и их обломки, десятки обрывков шерстяных, шелковых и льняных тканей; более 50 кусков кожи (детали обуви и обрезки); тысячи бус из стекла, сердолика, горного хрусталя; более сотни находок из янтаря (бусы, подвески и куски без обработки).

Староладожская коллекция Эрмитажа пользуется заслуженным вниманием исследователей. К ней обращаются специалисты не только нашей страны, но и многие зарубежные ученые. На материалах этой коллекции опубликованы десятки статей, вещи экспонировались на выставках в Эрмитаже и на международных выставках. Коллекции староладожских древностей, которые хранятся в Староладожском музее существенно дополняют эрмитажное собрание.

З. Д. Бессарабова

НАБОР ВЕСОВЫХ ГИРЕК ИЗ СОПКИ 15-1 У СТАРОЙ ЛАДОГИ

В 1970 г. отряд Староладожского музея под руководством В. П. Петренко исследовал разрушающуюся частично сопку 15-1 (нумерация В. П. Петренко) в южной части урочища Победище за южной окольцей Старой Ладоги.¹ В сопке, обложенной по кругу булыжником и валунами, были обнаружены остатки четырех погребений по обряду трупосожжения на стороне, ритуальное захоронение коровы и ритуальный очаг.

Инвентарь погребения 3, располагавшегося с внешней стороны каменного кольца сопки, включал бронзовую подвеску со «знаками Рюриковичей», бронзовую орнаментированную бляшку-застежку, семь весовых гирек, четыре стеклянных бусины, несколько сильно окислившихся железных предметов; здесь же были встречены два обломка лепной керамики. В. П. Петренко относил это погребение к X в., скорее, ко второй его половине.²

Из найденных гирек опубликованы только три.³ В настоящей работе представляем их полный набор (рис. 1). Все семь гирек — железные, с тонким бронзовым или медным покрытием. Шесть гирек — сферические, бочонковидные, седьмая — 14-гранная, в форме куба со срезанными углами. Сферические гирьки имеют на круглых плоских площадках «глазки» — знаки весового достоинства — и орнаментальный ободок из мелких кружочеков

(«зерни»); в нескольких случаях ободок сохранился плохо. «Глазки» наблюдаются и на 14-гранной гирьке. Гирьки, трещины, мелкие утраты металла, частичная деформация. Знаки весового достоинства в полном составе отчетливо просматриваются только на гирьке 2, по нашей нумерации. На остальных они или сохранились неполностью, или выявляются с трудом. Предлагаемый рисунок гирек — результат пристального изучения их с лупой при разном освещении. Там, где позволяло состояние оболочки, производилась иногда осторожная механическая расчистка участков площадок от окиси. Это позволило выявить несколько не заметных ранее знаков. Вес гирек определялся дважды. Еще в 1970-е гг. их взвесил сотрудник Новгородского музея В. Н. Суховаров. В переданном им в Староладожский музей заключении приводятся результаты взвешивания, к сожалению, без указания, к какой гирьке относится тот или иной вес: 3,58; 12,11; 12,25; 23,63; 31,60; 38,92; 39,58 г. Позднее гирьки были взвешены сотрудникой химической лаборатории Гос. Эрмитажа Л. С. Гавриленко; именно эти данные приводятся в нашем описании гирек.* Номера гирек в тексте соответствуют их номерам на нашем рисунке. Верхние грани гирек на рисунке обозначаются в тексте буквой «А», нижние — «Б».

Гирька 1. Музейный инвентарный №: КП-691/А-500. Высота 11,2 мм, диаметр 16 мм. Вес — 12,082 г. А. В средней части площадки выявляются три кружочка в один ряд. Б. Отчетливо видны два кружочка; они имеются на рисунке в работах В. П. Петренко. Однако, при внимательном рассмотрении наблюдается еще один кружочек такого же диаметра у края площадки, в один ряд с двумя первыми. Трудно сказать, является ли он тоже знаком весового достоинства или же относится к декоративному ободку, сохранившемуся на этой гирьке очень плохо.

Гирька 2. КП-695/А-504. Высота 12,6 мм, диаметр 15 мм. Вес — 12,21 г. А. Один кружочек в центре площадки. Б. Два кружочка в центре площадки.

Гирька 3. КП-693/А-502. Высота 15 мм, диаметр — до 19,7 мм. Вес — 23,56 г. А. Три кружочка; от одного из них отходит волнистая линия, не соединяющаяся с другим глазком. Б. Видны два кружочка, от одного отходит волнистая линия. Вполне вероятен третий кружочек, поврежденный коррозией, в нижней части площадки.

* Пользуюсь случаем выразить благодарность В. Н. Суховарову и Л. С. Гавриленко.

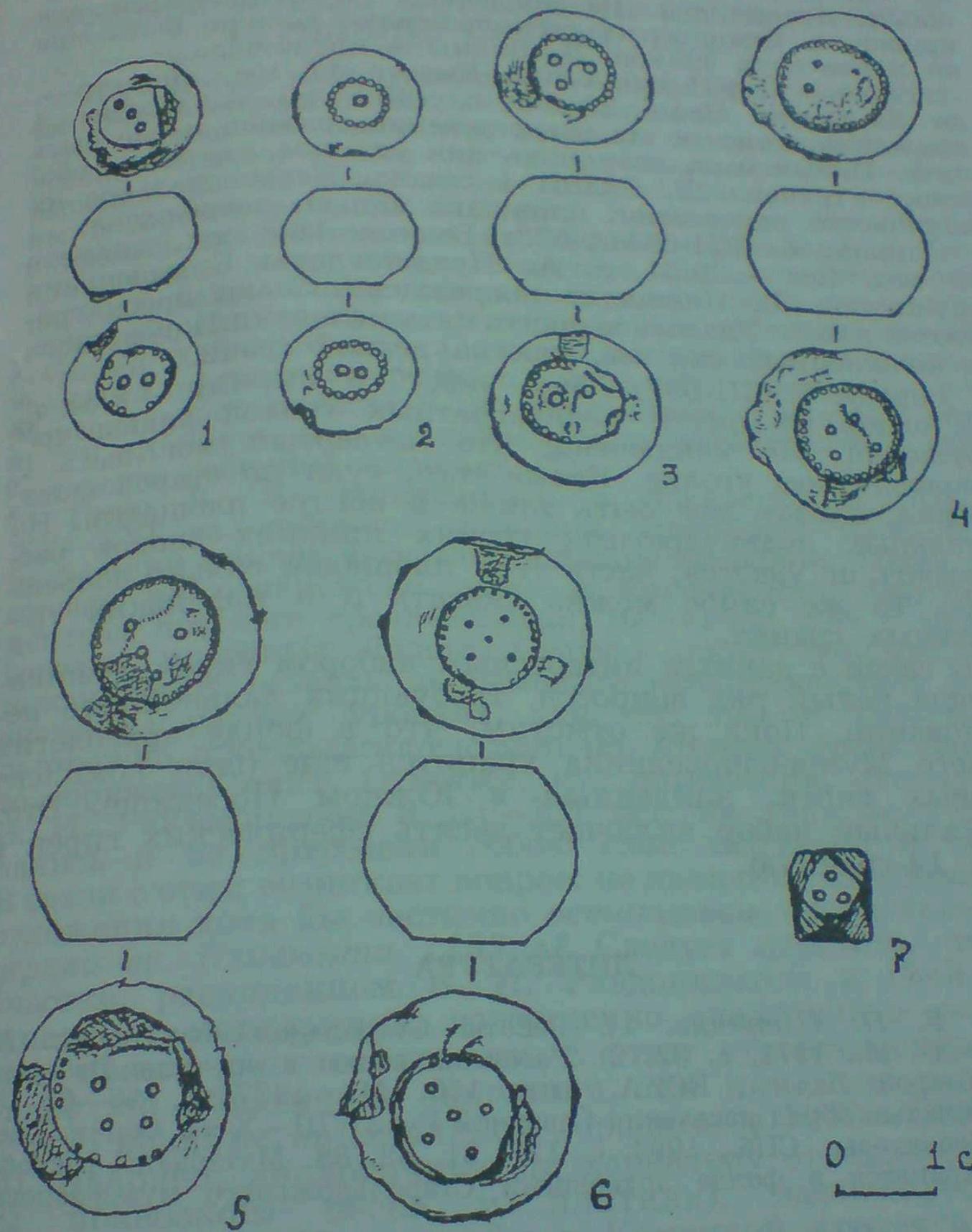

Рис. 1. Набор весовых гирек из сопки 15-1 в южной части урочища
Победище.
Раскопки В. П. Петренко.

Гирька 4. КП-692/А-501. Высота 15,6 мм, диаметр 21 мм. Вес — 31,496 (31,50) г. А. Почти половина площадки повреждена. На уцелевшей ее части видны два кружочка. Судя по их расположению, должно быть еще не менее двух знаков. Б. Видны 4 кружочка.

Гирька 5. КП-696/А-505. Высота 17 мм, диаметр — до 22,5 мм. Вес — 38,498 г. (38,5 г.) А. Видны 4 кружочка. Судя по их расположению, знаков могло быть пять. Пятый был, возможно, как раз там, где часть оболочки утрачена. Б. Видны 4 глазка. Первоначальное их количество неизвестно: площадка сильно повреждена.

Гирька 6. КП-694/А-503. Высота 18,3 мм, диаметр 22 мм. Вес — 39,51 г. А. Представлены 5 маленьких кружочков. Б. Площадка повреждена, знаки просматриваются плохо. Удалось выявить пять маленьких кружочков, расположенных так же, как на первой грани.

Гирька 7. КП-697/А-506. 9×9, 7×9 мм. Вес — 3,55 г. На одной из шести подквадратных граней видны три кружочка. Не исключено, что четвертый мог быть в поврежденном уголке. Кроме того, судя по старой фотографии, глазок мог быть также в центре площадки. На остальных подквадратных гранях никаких знаков рассмотреть не удается; часть этих площадок сильно повреждена. То же самое можно сказать и о маленьких треугольных гранях.

В связи с данным интересным набором гирек возникает еще целый ряд вопросов, требующих дальнейшего исследования. Пока же отметим, что в фонде археологии нашего Музея-заповедника хранится еще один комплект весовых гирек, найденный в Южном Победище. Этот уникальный набор включает десять сферических гирек и одну 14-гранную.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. П. Петренко. 1). Работы Староладожского музея. АО 1970 года, М., 1971, с. 32. 2). Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладоги. КСИА, вып. 150, М., 1977, с. 55—62. 3). Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994, с. 127, 81, 82, 88. Материалы раскопок сопки хранятся в фонде археологии Староладожского музея-заповедника.
2. В. П. Петренко. Раскопки сопки, стр. 61.
3. В. П. Петренко. 1). Раскопки сопки, стр. 58, рис. 2, 8—10. 2). Погребальный обряд, стр. 82, рис. 43, 8—10.

М. Ф. Ягодзинский

ОТКРЫТИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕГО ГОРОДА ЮЖНОЙ ПРИБАЛТИКИ ТРУЗО

Трузо — ремесленно-торговое поселение и порт у озера Дружно (северная Польша) на прусско-польском пограничье. Около 890 г. о нем сообщал англосаксонский писатель Вульфстан. Он описал свое путешествие из Хедебю на Ютландском полуострове до порта Трузо. Местоположение этого поселения удалось определить только в наши дни. Обнаруженное на восточном берегу озера Дружно поселение идентифицируется с Трузо на основании описания Вульфстана и с помощью археологии.

Городище было открыто в 1982 г. Оно находится, как упоминалось, на берегу озера Дружно в 5 км к югу от г. Эльблонга. Занимает территорию около 10 га. Во время раскопок 1983—1991 гг. изучен 1% этой территории.

Портовая часть поселения занимает береговую полосу. Здесь во время раскопок обнаружены остатки 9 ладей. Каждая достигала 9 м длины и 3 м ширины. Борта ладей скреплялись с помощью железных заклепок и деревянных нагелей, использовалась также смола. Ладьи были плоскодонными, предназначенными для неглубокой посадки и могли использоваться как для морского, так и, особенно, для речного и озерного плавания. В зоне находления ладей каких-либо деревянных причалов, трапов, других деревянных конструкций обнаружить не удалось, хотя они, скорее всего, существовали. С учетом протяженности береговой линии поселения (около 500 м) и расположения остатков ладей, можно предполагать, что их общее число в одновременном использовании составляло от 30 до 50.

В районе расположения Трузо сходились важные торговые пути и сухопутные и, особенно, водные. С запада в Трузо и через него везли вино в глиняных сосудах типа «Бадорф», монеты, чеканенные в Хедебю, стеклянные суды. Через Русь в Трузо попадали арабские монеты. Всего их целых и обломков обнаружено около 100. В их числе клад, состоящий из 11 целых и 5 фрагментированных монет эпохи Аббасидов и Сасанидов. К вещам восточного происхождения относятся также гирьки, фрагменты весов, обломки драгоценных камней — аметиста, сердолика, горного хрусталя. О контактах со Скандинавией свидетельствуют бронзовые и серебряные украшения, изделия из сланца, рога и железа. С севера и северо-востока привозили меха и продукты леса. Трузо находился в соседстве с прусской Самбией, следовательно, был в зоне традиционной янтарной торговли. Найдены многочисленные куски янтаря и готовые вещи: кольца, подвески в форме топориков и молотков Тора, фишки для игры. Прусы, несомненно, привозили в Трузо мед, а также домашних животных: коров, овец, свиней. Здесь продавали и невольников.

На поселении зафиксированы следы регулярной застройки в виде прямоугольных в плане домов, типа так называемых халле. Размеры построек от 5×10 м до 6×25 м. Стены первых делались наборными, вставными в пазы вертикальных столбов, вторых — из плетня. В центре построек находились очаги. Как в датском викингском городе Хедебю, в поселении существовала главная улица, проходившая параллельно берегу. Дома располагались также вдоль улиц, ведущих к порту. В домах были обнаружены необработанные и полуобработанные вещи, бракованные изделия, отходы производства. Здесь, очевидно, жили ремесленники-универсалы, изготавлившие различные вещи из бронзы, серебра, кости, янтаря, железа. Ремесленники одновременно могли быть и торговцами. В упомянутых домах находились также остатки ткацких станков и обломки керамики (60% лепной, 40% круговой посуды).

Поселение было окружено полукольцевым валом со стеной и, по меньшей мере, двумя башнями и наружным рвом. По своим находкам и планировке Трузо наиболее близок к Хедебю. Возможно, что датчане были среди основателей Трузо.

По ряду признаков Трузо весьма напоминает Ладогу. В обоих городах обнаружены материалы, свидетельствующие о деятельности ремесленников-универсалов, преимущественно ювелиров. Изыскания в Трузо и Ладоге убеждают в необходимости сотрудничества археологов прибал-

тийских стран, в том числе Польши и России. Относится это к деятельности экспедиций, обмену специалистами, созданию совместных публикаций.

ЛИТЕРАТУРА

M. Jagodziński, Port w Truso, (w:) Morskie tradycje Elbląga, przeszłość teraźniejszość, przyszłość, 1996.

M. Jagodziński, M. Kasprzycka. Zarys problematyki badawczej wczesnośredniowiecznej osady rzemieślniczo-handlowej w Janowie Pomorskim (gmina Elbląg), (w:) «Pomorania Antiqua», t. XIV, 1990.

M. Jagodziński, M. Kasprzycka. The early medieval craft and commercial centre at Janów Pomorski near Elbląg on the South Baltic Coast, (w:) «Antiquity», Vol. 65, Nr 248, September, s. 696—715.

Н. В. Малышева

**БОТАНИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДИЩА В СТАРОЙ ЛАДОГЕ**

Изучение современной флоры и сравнение ее с археологическими данными позволяют выявить произошедшие за века изменения. В этом отношении материалы Староладожской экспедиции являются весьма ценными и интересными.

При изучении современной флоры в 1996 г. нами на территории Земляного городища было выявлено 77 видов высших растений, среди которых 8 видов — древесных, 5 кустарниковых и 64 травянистых. Среди древесных следует указать липу, березу, рябину, вишню, черемуху, тополь берлинский и два вида ив. Кустарники представлены бузиной, сиренью, малиной, черной смородиной, желтой акацией. Среди травянистых растений преобладают представители семейства сложноцветных (10 видов), злаков (9), бобовых (7), розоцветных (6). Большинство видов (74, или 96%) являются представителями дикорастущей местной флоры. Тополь берлинский, желтая акация XIX века. Среди травянистых растений преобладают сорно-рудеральные (34 вида, или 53%), затем идут луговые (24, или 37%), значительно меньше лесных (5, или 8%) и прибрежных (1, или 2%). Это согласуется с данными В. А. Петрова (1945, с. 43), изучавшего растительные остатки Земляного городища в культурных слоях IX—X вв., о преобладании сорно-рудеральных и луговых растений в то время. Сравнительный анализ современной флоры и фоссилий (Петров, 1945, с. 43; Аалто, Хейнайоки, 1997, с. 38, 39) показал, что среди 22 видов, известных из слоев IX—X веков, выявлено 20 существующих ныне видов, не обнаружены лишь воробейник лекарственный и чистец болотный, которых и в археологических материалах было мало. Таким образом, в общей сложности третья часть современных растений обитает здесь уже тысячу лет, а коэффициент общности флор Съеренсена—Чекановского составляет 46,5%. Доля лекарственных (27%), пищевых (20%) и кормовых (17%) растений в современной флоре большая, чем в средневековой, зато сорняки преобладают в обеих. Любопытно, что известный путешественник А. Олеарий, посетивший Ладогу в 1634 г. обратил особое внимание на малину, которой и тогда, и сейчас много в этих местах.

Помимо высших растений нами изучались лишайники, которые являются индикаторами для урбанизированных территорий. Собрano 47 образцов и выявлено 20 видов, среди них 11 видов листоватых, 8 накипных и 1 кустистый. Обнаружены повреждения слоевиц *Parmelia sulcata* и почернение *Hypogymnia physodes*, что говорит о воздействии загрязнителя (дыма) на них. Лишайники растут на коре деревьев и кустарников (липа, вяз, тополь, бузина) (10 видов), на гниющей древесине (10), на железобетонных столбах (9). Наиболее часто встречаются *Xanthoria parietina*, *Physcia stellaris*, *Phaeophyscia orbicularis*, *Par-*

melia sulcata, *Lecanora hagenii*. Большая часть видов (75%) являются нитрофилами, т. е. поселяются в местобитаниях, богатых азотом, что связано с жизнедеятельностью человека. В целом найденные лишайники очень характерны для городских условий, исключение составляет лишь единственный кустистый вид *Evernia prunastri*, более характерный для лесов. Таким образом, наличие многих синантропных видов лишайников указывают на давнюю заселенность этого места.

ЛИТЕРАТУРА

- Аалто М., Хейнайоки Х. Растительность и окружающая среда Старой Ладоги в эпоху викингов // Древности Поволжья. СПб, 1997. С. 31—41.
- Олеарий А. Описание путешествия в Московию. СПб, 1906. 582 с.
- Петров В. А. Растительные остатки из культурного слоя Старой Ладоги (IX—X век) // КСИИМК. Вып. XI. 1945. С. 42—51.